

Трусыных В.

11/1588

Ленинградская Правда
г. Ленинград

11 сентября 1988 года № 212 (22354)

НАВСТОВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ: ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

ДИАЛОГ ПРЕДПОЛАГАЕТ СОБЕСЕДНИКОВ

— МЕУЖЕЛИ тебе не обидно за себя? — Я тебя слушаю, — сказал Славна, — себе удивляюсь! Ты-то со своими правильными взглядами чего добился в жизни? Артист, а ходишь вокруг меня, унижаешься, а у меня, дядь, голова на плечах. Пока я молодой, а вот подожди... Я им тут всем покажу!

В ресторане гремела музыка рок-ансамбля. Зал танцевал.

— Ты не хочешь стать, например, полярником... капитаном?

— Нет, — сказал Славна, — болтаться где-то пока здесь жизнь идет... Я б вот поваром стал.

— Да! — загорелся Бацанов. — Замечательная профессия, мальчиш!

— Ты так не думаешь.

— Не думаю, — согласился Бацанов. — Но это хоть что-то...

— Что ты от меня хочешь? — Славна испытующе посмотрел на Бацанова. — Жить негде? Денег нет? Скучно? Внуков помянуть решил? Что еще?

— Ты мне родной.

— Не понимаю. Мне нравилось жить без тебя. Свобода! Других дерут как сидоровых коз, а я в кино каждый день ходил. У других скандалы, трагедии, дерутся, мирятся, а у ме-

ня было счастливое детство, старик!

— А теперь? — печально спросил Бацанов, Славна поморщился.

— Честно? Скучно. Умереть хочется.

— Я тебе еще пригожусь, я тебе еще пригожусь, Вячеслав!

Пришла Валентина.

— Завал! — сообщила она, падая на стул.

— Вы разговаривали?

— Нет, милайшая Валентина! — бодро сказал Бацанов. — Наблюдали, как вы прекрасные танцуете!

— Правда? — обрадовалась она. — Ничего, да? Я еще лучше могу...

... — Ребята, давайте уедем из этого города. У меня есть дом в деревне. Замечательная вещь — тишина, речка, рай! Не дождусь, когда опять все увижу.

— Там со скуки подохнешь, — сказала Валья. — Я была один раз.

— Нам здесь хорошо, — сказала Славна.

— Вячеслав, тебя испортил этот курортный город. Люди приезжают сюда отдохнуть на мес-сл, кутнуть, разрядиться, а вам какжется — вся жизнь — праздник, отдых, развлечения. Они уезжают работать, приезжают новые, праздник продолжается. Вячеслав, тебя испортил этот город. Он вымотает вас, ребята...

ОНИ ВЕДУТ диалог и не слышат друг друга. Родные. Крошечные. Герои будущего фильма «Благородный друг». Отец и выросший без него сын. Бацанов прожил жизнь, полагая, что был занят важнейшим делом. А на склоне лет вдруг обнаружил, что предназначение свое понял неверно, не состоялся как творческая личность. А состоялся ли как человек?

Ушел из его жизни театр, и не осталось ничего. Пустота... Много у нас еще изданных идей, стереотипов, клишированных представлений, которые ломают судьбы. Ради таких представлений часто обрубаются все человеческие связи, отвергаются истинные ценности жизни. Порождается фанатизм, который в любом проявлении страшен, даже в служении святому искусству... Об этом и будет ваш фильм!

Мы сидим в маленьком кабинете одного из павильонов «Ленфильма» и разговариваем с Валерием Приемыховым. Известный актер, драматург, теперь снимает свою первую картину как режиссер. По собственному сценарию, который называется «Благородный друг». Было такое амплуа в старом театре — «благородный друг». Главный герой фильма — Бацанов — хочет сыграть благородного друга и в жизни. В уголовной истории берет на себя чужую вину. Но и тут не может обойтись без позы, без самолюбования. Да и думает, прежде всего описать-таки о себе — боится одиночества и иного пути не видит, как теперь оказаться необходимым сыну, которого никогда не знал, снискать благодарности. Вызвать восхищение. А сыну эта «жертва» новоявленного отца оказывается совсем не нужной...

— Мне очень сложно говорить о будущем фильме. Много в процессе работы предстоит еще передумать заново. Что-то внесут в сценарий актеры. Знаю твердо, что детективная сторона сюжета, поиски подлинного убийцы, похитившего деньги, — только сюжетная форма, а разговор должен состояться о вещах более глубоких и серьезных.

— Будет ли это продолжением разговора о взаимоотношениях поколений, о нравах современной молодежи, который вы вели с экрана в картинах «Никудышная», «Пацаны» и «Милый, дорогой, любимый, единственный...», снятых Динарой Асановой, где вы выступали в качестве сценариста или исполнителя главных ролей?

— Динара Асанова была первая, кто серьезно и глубоко коснулся молодежной темы в кино. Тогда ее картины не все принимали, но режиссеры, что дело обстоит не так остро. Дескать, то, что показано на экране, — не типично, клевета. Сегодня эта проблематика стала уже настолько общим местом, модной, что обернулась где-то банальностью. Поэтому просто показывать еще раз, какая молодежь у нас встречается — распущенная, развратная, — неинтересно. Да и не совсем это так.

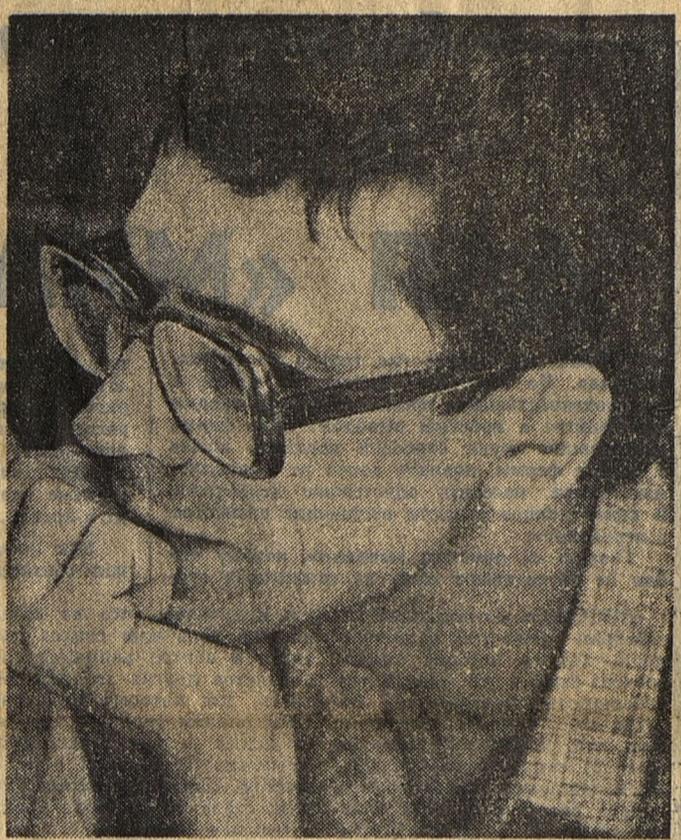
Мы часто судим лишь по внешним проявлениям. Я не могу принять суждения, что современная молодежь идет не туда. Что она безнадежна. Дескать, это поколение мы проворонили, давайте думать о следующем — вот его-то мы уже будем правильно воспитывать. Значит, нынешнее, то есть миллионы, просто вычеркнуть. «Другую куртку купи...». С такой точкой зрения и следующее можно испортить.

— Вы считаете, что изменения, произошедшие в нравах современной молодежи, — развратность, дегуманизация, «интердевочки» — обратимы?

— Во всяком случае я не думаю, что нынешние молодые накладывают больше дров, надеются больше ошибок, чем мы. Сейчас часто проясляется к молодежи какая-то категоричность, нетерпимость. Категория другая, если наряд неприличный, вызывающий, значит, у нас с ними нет ничего общего. Не понимаю, зачем нужен специальный закон о молодежи, о котором много сейчас говорят? Зачем же — специальный? Разве молодые не такие же граждане, как все мы?

На пробах к фильму я искал на роль Славы парня жесткого, колючего, этакое хулигана. Много ставил перед кинокамерой — и почти всегда изза насупленного и бравадного вида, вдруг проглядывали настоящие и даже испуганные вполне детские глаза.

Мы обращаем внимание на внешнюю сторону, на поведе-

ние молодых и не знаем как следует, что творится в их душах. Это пыталась понять Динара Асанова. Она многое меняла во время съемок, советуясь с исполнителями, желая узнать, а как бы они поступили в подобном случае, стремилась увидеть мир глазами своих юных героев.

А какими они видят нас? Об этом мы не думаем. А ведь от этого и зависит их судьба. Они с первых своих шагов «открывают» нас. А через нас, через наше поведение, наши поступки открывают мир. Мы им бубним: это плохо, то неправильно, другое не так. Утюжим, причисляем, браним. А как поступаем сами? Всегда ли можем быть примером? А потом взрываемся: молодежь нас игнорирует! Это нам нужно учиться сосуществовать, жить рядом с ней. И любить. Это — главное.

— Любить всех. Даже испорченных, негодяев!

— Мы только на семидесятом году Советской власти наконец заговорили о милосердии. А ведь у нас исторически царевушки и каторжников, и разбойников называли «несчастные», протягивали им кусок хлеба, хотя знали, что они убийцы. Милосердие того требовало. Добро, на мой взгляд, не может быть с кулаками, как у нас кое-кто пытается утверждать.

Нет и не может быть зла во спасение. Зло есть зло, зло порождает зло. Украл — значит порождал, независимо от мотивировок, которыми эта кража украшена. Мне отвратительно было читать в газете, как смаковали в статье историю о том, как бывшего фашистского генерала, дожившего до наших дней, съел крокодил. Хотя военный преступник есть военный преступник и заслуживает самой суровой кары, но смаковать такие вещи...

Надо возвратиться к чистоте нравственных истин. Режиссер Илья Авербах сказал в своем фильме — нельзя читать чужие письма, даже если это жизненно важно. Нельзя и все. Есть вещи, которые не должны предаваться обсуждению. Табу. А если его преступил, с тобой происходит необратимое изменение. С твоей нравственностью. Происходит вроде бы незаметно. Но бациллы безнравственности передаются потом другим, заражают твоих детей.

— Вы сейчас коснулись вопроса, который возникает, когда размышляешь о фильме «Холодное лето пятьдесят третьего». Мы имеем в виду сцену, когда уже реабилитированный Лузга-Басаргин приезжает в Москву и приходит в семью Скоробогатова. Волей-неволей он выступает не только в роли горького вестника, свидетеля гибели главы этой семьи, но и как судия, ведь жена и его сын отреклись в свое время от арестованного, хотя по его же настоянию. Но во имя своего спасения. Как вам кажется, может ли ваш герой, Лузга, судить вообще?

— Судить вообще плохо. А тем более, как можно судить сегодня тех, кто осквернил тогда перед лицом смерти? Это право значит перекладывать вину на жертву. Вы заметили, что это и в других ситуациях проявляется, не в таких экстраординарных. Вот конфликт какой-либо. «Он борется,

— говорят, — а ты — нет», — «Но у него уже три инфаркта!» — «Ну и что же, зато он — боец!». И позиция эта, немой взгляд, ужасная: перекладывание заботы и борьбы на плечи другого, подзащитивание другого, а не себя самого.

— Фильм «Холодное лето...» имел очень успешный прокат. Как вам кажется, он всем понятен по своей внутренней теме? Мы вот случайно услышали разговор школьников: «Тебе этот фильм понравился!» — «Нет, не понравился. Что же это, там Папанов встает во весь рост и его убивают» — «Но он же интеллигент, он интеллигент!». Интересный ход мысли, верно?

— Мы очень боялись, чтобы не получилось приключение, герой без страха и упрека против всех. Но, судя по почте, внутреннюю суть картины, его гражданственную ноту зрители поняли. Как и эти мальчишки, ухватили главное: единоборство нравственных жизненных позиций. Но я, признаться, не ожидал такого успеха «Холодного лета...». У нас фильмов о политических заключенных, насколько я помню, не было. И я долго не решался снимать в нем, хотел отказаться от этой роли, боялся упрека: ишь, нашел на чем зарабатывать. А потом взял. И я, и режиссер хотели показать, как это было, как просто, как страшно.

— Сейчас очень много спорят о повести Владимира Кунина «Интердевочка». По ней снимается фильм. Многие считают, что напрасно автор страдает своим героиням, молоденьким девушкам, которые в пенском шикарной жизни продают себя иностранцам. А вы разделяете его отношение к ним?

— Я хочу, чтобы понятна была моя позиция: мы, старшее поколение, а не молодые, виноваты, что они такие. И не они должны прийти к нам с извинениями: дескать, извините, если что не так. Все их черты обусловлены нашей жизнью, нет у них ни одной черточки неизвестного происхождения. Нам, старшему поколению, нужно уметь отвечать за содеянное. Хотя бы перед самими собой. Так как же мы можем бросать камень в тех, кого не воспитали?

Молодому человеку всегда нужно нечто позитивное, нужно какое-либо дело, теория, концепция. Необходимо движение, действие, пусть даже буря. Но не штиль. Ничего такого молодые долги не получали. Диалога не было. А запретов было хоть отбавляй. Мы твердили об акселерации, говорили, что дети стали расти быстрее, но доверия им не оказывали. Мы только указывали на то, какими хотели бы их видеть. А они видели вокруг себя совсем иные примеры. Они видят наших женщин, заматанных очередами после работы, неустроенным домашним хозяйством, дворовых детей, которых не хватает родительского внимания, заброшенных стариков... Это ужас какой-то...

— Вы настроены очень пессимистически... — Отнюдь. Настроен по-боевому. Надо в корне менять сложившееся положение вещей. Словом, перестраиваться. Беседу вели М. ИЛЬИНА и К. КЛЕВЦКАЯ Фото А. Сплицына